

Г. Фильваров,
доктор архитектуры,
директор Института
Урбанистики в г. Киеве

ПРОБЛЕМЫ ПЛАНИРОВАНИЯ ГОРОДСКОГО РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ МИРОВЫХ УРБАНИСТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

На одной из конференций по проблемам перспективного развития Киева мне предложили сделать доклад на тему “Создание урбанистических пространств”, то есть взглянуть на Киев с этой точки зрения¹.

В стенах академического здания, где проходила конференция, мне показалось уместным обсудить не только конкретные вопросы киевского развития, но и затронуть общий уровень проблемы. По привычке я решил, что правильнее было бы говорить об *урбанизированных* пространствах – это достаточно естественное для градостроителя понятие, – но потом стало понятно: ошибки в формулировке “*урбанистических*” нет. До сих пор понятие урбанизированного пространства предполагало существование двух некоторых субстанций, включенных в сферу интересов архитектора и градостроителя. С одной стороны – это земля, территория, а с другой – это субстанция деятельности: строительство, создание городов, развитие транспорта. Вторая субстанция накладывается на первую, и между ними, как правило, возникают конфликты. Урбанизация воспринимается как некоторое давление на природную среду, и этот конфликт потом переносится в сферу общественного поведения – иногда справедливо, иногда нет.

Вообще представление об урбанизации имеет, как это ни странно, размытый характер и множество смыслов, которые можно отнести к двум категориям. Во-первых, это урбанизация как некая ипостась всеобщего социально-исторического процесса, сопровождающая все фазы общественного разделения труда – от собирательства и охоты к земледельчеству и скотоводству, с сопутствующими переходами от кочевой к оседлой форме освоения жизненного пространства, а затем к разделению сельскохозяйственной и промышленной форм жизнедеятельности (агентом связи между которыми служила торговля), вплоть до сегодняшней максимальной диверсификации всех видов деятельности. Такой взгляд может быть сопоставлен с фазами общественного развития в концепции со-

© Г. Фильваров, 2012

¹ Статья представляет собой стенограмму лекции по проблемам развития Киева, прочитанной на конференции, организованной фондом имени Генриха Белля.

циально-демографических циклов, представленной С.А. Нефедовым [1]. Здесь урбанизационный процесс в более или менее явном виде является одним из атрибутов каждого из социально-демографических циклов.

Другого рода понятие урбанизации носит конкретно-определятельный характер. Оно было сформулировано Дж. Джиббсом, который выделил пять стадий развития расселения, сопряженных с традиционным понятием роста числа городов и численности городского населения [2]. (Хотя само понятие “город” с демографической точки зрения не есть четко определяемая количественная категория).

Как известно, в истоках урбанизации лежит первичное разделение труда. К XX столетию в градостроительной теории и практике мы пришли к понятию о градообразующей базе, преимущественно в виде промышленного производства. Это неизбежно образовало связку “промышленность – город” с вытекающими отсюда убеждениями, что урбанизация и сегодня есть результат большей или меньшей концентрации материального труда. Но в последние полвека основой и двигателем материально-технического прогресса стало знание, что предвидел еще Карл Маркс, старательно отодвигаемый сейчас в сторону от массива научных знаний. Произошло превращение формализованного знания в нематериальный капитал [3]. Более того, произошла “экстернационализация” знания как итога интеллектуального труда, т. е. выход центров его продуцирования за пределы городов, а потом и его “интернационализация”, в связи с развитием глобальной информационной сети продуцирования знания, передачи, обмена и внедрения его в любой точке земного пространства в кратчайшие технологические сроки.

В дополнение к этому следует сказать следующее. Представление об урбанизированности территории включило в себя и понятие о распространении городского образа жизни на все поселения, независимо от их административного или функционального статуса, а также критерий связанности поселений железными и автомобильными дорогами, то есть густоты (плотности) этих коммуникаций в пределах некоторых территорий, регионов, стран и континентов.

Именно с понятием коммуникации тесно смыкается одна из главных черт новых представлений об урбанизации и новой парадигмы формирования урбанистического пространства (риском ввести этот термин). Изменение психологии восприятия физических качеств пространства и времени также обусловлено действием фактора коммуникаций.

В течение длительного исторического периода пространство в бытовом смысле определялось временем, необходимым для преодоления расстояния между некоторыми физически фиксированными географиче-

ческими точками. Это время зависело от возможностей человеческого или лошадиного шага (или верблюжьего).

Морские перемещения были не намного быстрее. Расстояние оценивалось в часах, днях, неделях и даже месяцах. Такой ритм позволял воспринимать географические пространства (или расстояния) как некоторую непрерывность, пускай и по отдельным сегментам осваиваемых территорий.

Совсем до недавнего времени пространство существовало для нас в системе метрических представлений. Мы измеряли пространство или как площадь в квадратных километрах, или в милях и километрах (напр., расстояние от Киева до Нью-Йорка), в метрах или шагах – расстояние от жилья до магазина.

Сегодня мы живем в мире не метрических, а временных пространств. Мы не измеряем расстояние от Киева до Нью-Йорка в 10 тыс. км, мы говорим – это 10 часов лёта. Мы измеряем расстояние от Киева до Москвы не как 700 км, а как 50 минут лёта. Более того, мы сейчас живем в мире, где, собственно, исчезает и временная характеристика расстояния, поскольку каждый из нас живет в мире “online”, пронизанном телефонами, скайпами, видео. Практически мы способны без какой-либо затраты времени перенестись в любую точку пространства.

Сегодня мы столкнулись с явлением формирования урбанистического пространства как некоторой целостности, в которой разрыв между городами, странами и людьми не имеет того диктующего, а иногда фатального характера, как это было когда-то. Пространство стало пронизываемым. Земной шар расчерчен не только архаичными железными дорогами или нитями рейсов трансокеанских лайнеров и линиями авиационных рейсов, – он опутан всемирной паутиной Интернета, связывающей всех людей друг с другом, все города друг с другом и все страны друг с другом. Этим складывается единство множества различий, которое формирует новое урбанистическое пространство, целостный мир, который действительно охватывает весь наш Земной шар.

Понятия “далеко”, и “долго”, и “рядом”, и “вскоре” потеряли регулирующие свойства, а ведь в классической теории и практике градостроительства они были ключевыми. Иначе говоря, конкретное бытие становится экстерриториальным.

Как упоминалось ранее, урбанизированность пространства определяется сейчас не только и не просто числом городов и численностью городского населения, но плотностью сети коммуникаций. (Причем плотность следует понимать не в традиционном измерении км/км², а как объем и качество перемещаемых грузов и пассажиров и, в не мень-

шей мере, – объем и качество информации, передаваемой из пункта А в пункт Б. Качество информации оценивается мерой ее влияния на процессы любого рода – создание материальных или интеллектуальных ценностей, принятие управленческих решений, политические движения, общественные события, спортивные и культурные мероприятия и т.п.)

Мы можем нарисовать картину глобальной связанности населения Земли. Всемирную электронную паутину визуализировано можно представить себе как плотную, почти вещественную оболочку с четко выраженными сгустками, проецируемыми на основные узлы концентрации мирового населения. Эта оболочка превосходит по густоте все системы наземной и приземной (воздушной) связи. В сочетании с орбитальными пилотируемыми космическими кораблями и техническими спутниками она может быть названа околосредным уровнем урбанизации, уровнем с высочайшей плотностью насыщенности человеческим интеллектуальным присутствием.

В свое время академик В.И. Вернадский обосновал идею, что человечество вступает в эпоху ноосферного существования. Эта идея носила общеполитический смысл, хотя и опиралась на научно-технический прогресс.

Сегодня эта идея получает конкретное выражение в реальном формировании урбанистического пространства.

Различные уровни ноосферы в совокупности могут быть квалифицированы как новая информационная среда обитания человека (человечества). Если эта среда максимально наполняется устройствами, принимающими решения самостоятельно или в тесной связке с человеком, то понятие об интеллектуальной насыщенности пространства носит не абстрактный, а конкретно-вещественный характер.

Как отмечалось выше, в этом новом мире категория времени как мера преодоления пространства лишается своего доминирующего содержания. Значит ли это, что время вообще лишается своего смысла? Отнюдь нет. Как мера жизни личности и общества оно приобретает еще большую ценностную значимость из-за растущей событийной насыщенности, разнообразия ощущений, переживаний, присутствия и широты контактов в мире, где время не становится препятствием для обретения новых впечатлений.

Между тем, в архитектуре и градостроительстве пространство и время являются основными субстратами манипуляций с материально-вещественными объектами и функциональными отношениями во имя комфорта человеческого существования.

Это манипулирование называется прогнозированием, проектированием, планированием и, что опаснее всего по последствиям, – управлением. Причем субъекты этого манипулирования уверены, что знают, каков будет или должен быть мир и его важнейшая составляющая – город или городская система.

Идеологической основой для долгосрочного прогнозирования городского развития и построения соответствующих моделей города у нас в свое время была уверенность в незыблемости плановой системы, управляемого движения к светлому будущему и точно такая же уверенность ученых в том, что они твёрдо знают, каково это будущее и как к нему идти в рамках неторопливого научного прогресса. Кстати, так думали и зарубежные ученые и специалисты.

Действительность разрушила эти постулаты.

Ярким образом ошибочности этой уверенности стала сумма прогнозов, составленных известными зарубежными учеными и футурологами и собранных в нашумевшей в своё время книге “Мир в 2000 году” [4].

Прогнозы были подготовлены в 1970 году. Их непопадание “в ноты” удивительно, хотя глубина прогнозирования была всего 25–30 лет. Футурологи и отраслевые ученые-специалисты не смогли (и это естественно) предвидеть ни одного из важнейших научно-технических событий, перевернувших мир – ни нанотехнологий, ни глобальной компьютерной сети (Интернета), ни квантовых компьютеров и т.д.

Каждый из них сосредоточился на чисто механической экстраполяции имеющихся уже достижений, что также логично, но и бесполезно для прогресса.

Не были предвидены и глобальные геополитические сдвиги, влияние которых на научно-техническое развитие бесспорно.

В равной степени были бесполезны или весьма малополезны некоторые градостроительные прогнозы.

Конечно, градостроительные системы куда менее динамичны и изменчивы, чем современные технические устройства, машины и механизмы. Чтобы градостроительные структуры изменялись, совершенствовались, требуется длительный период накопления социальных противоречий, изменения психологии потребления и восприятия технических новшеств.

Но сегодня (и несколькими десятилетиями ранее) противоречия между традиционными градостроительными моделями и общественными потребностями резко обострились. Истощение ресурсов, глобальный энергетический кризис, планетарные изменения климата, социальные конфликты и т. п., с одной стороны, и новые технико-технологические

возможности, включая строительство, внутри- и межгородской транспорт, производство и передачу энергии, организацию быта и т. п., создали предпосылки для пересмотра градостроительных концепций.

Строгое функциональное зонирование, наследство совсем недавней Афинской хартии, ушло в прошлое, сменилось идеей полифункциональности использования территории. Но ее кажущееся новаторство ослабевает под давлением электронных систем обслуживания населения, освобождения человека от обязательного присутствия в локализованных традиционных местах концентрации труда. Постепенно происходит отказ от микрорайона как основной социально-планировочной единицы городского плана, но не путем его территориального увеличения при сохранении принципа включения социальных объектов типа школы и детского сада – планировочная структура города видоизменяется в результате социальной стратификации общества с различными потребностями и средствами их удовлетворения. Каковы будут масштабы этих изменений, учитывая весь комплекс изложенных выше факторов и предпосылок? Трудно сказать.

Хотя уже сейчас (точнее – в последнее десятилетие) наблюдаются, я бы сказал, революционные сдвиги в представлениях о будущем городов, градостроительных систем и урбанизационных процессах вообще [5].

По мнению известного украинского ученого Владимира Никитина, возможно возникновение феномена урбанистической организации, которая не содержит городских смыслов, ценностей и культуры.

Литературы и конкретных проектных разработок в этой области достаточно много, некоторые из них реализуются². Можно говорить о смене градостроительной парадигмы, которая на перспективу предлагает принципиально иные модели расселения и городских систем. Их реализация не за горами, равно, как и реализация самых смелых и неожиданных для футурологов научно-технических новаций.

В этих условиях разработка в традиционном духе моделей развития любого населённого пункта, от села до крупнейшего города, лишена не только теоретического, но и практического смысла.

Требуется выработка новой философии градостроительства – не только технических, но и психологической составляющих освоения урбанистического континуума³.

² Краткий их обзор приведён в монографии А. Плешкановской и Е. Савченко “Города и эпохи”. – К.: Институт Урбанистики, 2012.

³ На этом фоне, как нам представляется, интересно использование термина “космизация”, предложенного В. Никитиным, что предполагает восприятие мира из какой-то внешней точки, откуда принципиально иначе видится система расселения на Земле.

Вопрос – влияет ли такое утверждение, касающееся, естественно, в значительной степени философских вопросов бытия, на теорию, а тем более на практику градостроительства? Казалось бы, нет. Но... Градостроительство как деятельностное проявление урбанистических процессов всегда опиралось на определенную мировоззренческую основу, чаще всего – религиозную, социально-утопическую, идею военно-политического господства и т.п. В зависимости от мощности и устойчивости этой основы и решались практические задачи моделирования города как отображения той или иной концепции или как символа мироустройства. В отсутствии такой основы города развивались так, как это надо было данному времени, или не развивались вовсе. (Эти утверждения можно было бы проиллюстрировать множеством достаточно известных академических примеров.) Примечательно, что эти модели городов покоились на представлении, что город существует как незыблемый утес, о который разбиваются волны времени. До недавнего, буквально революционного, сдвига в науке, технике и технологиях такое представление было оправданным. Но сегодня город изменчив в своей морфологии и поведении, и предвидеть, а тем более – навязать ему, каким он может и должен быть, – нельзя.

Сегодня моделирование будущего стало одним из увлекательных видов свободных занятий. Причем наибольших успехов в реализации прогностических моделей достигли не специалисты тех или иных отраслей, а писатели-фантасты. Что касается специалистов, то они успешно продвигаются, решая практические задачи сегодняшнего – завтрашнего дня. Утверждение может показаться спорным, но это действительно так, даже если речь идет о создании термоядерных источников энергии или облета Луны.

Одна из серьезных методологических ошибок при прогнозировании заключается в представлении о времени как о потоке, который движется на нас, а мы должны встретить его, вооруженные прогнозами (но не конкретным знанием).

Здесь необходимо ввести различие между градостроительным прогнозом и перспективной моделью городской системы. Применительно к задачам градостроительного проектирования прогноз может рассматриваться как некий “советующий” документ, содержащий некоторые варианты возможного развития событий и состояния города (городской системы), дающий основания проектировщику для разработки перспективной модели системы. Как и какой из вариантов прогноза будет принят проектировщиком за основу для разработки модели – область субъективного решения, и в этом таится опасность. Если прогноз – “советую-

ций” документ, то модель – это документ, обладающий определенной “директивной” или “предписывающей” силой, если иметь в виду, что краткосрочные программы (проекты) развития города будут разрабатываться в русле и с целью реализации модели.

Здесь хочется привести цитату из Зигмунда Баумана: “Нам хорошо известно, что даже наиболее тщательно разработанные планы имеют отвратительную тенденцию не сбываться и приносить результаты, далекие от ожидаемых, что наши искренние желания “привести всё в порядок” заканчиваются еще большим Хаосом и беспорядком и что наши попытки устранить непредвиденные обстоятельства и случайности – это не более чем азартная игра” [6].

Я не склонен безоговорочно принимать это утверждение как абсолют, но несомненно, что разработки планов в контексте моделей достаточно отделенного и туманного будущего – бесполезны, если не вредны.

И есть еще одна опасность в разработке конкретных проектных документов на ближайшую перспективу, ориентированных на долгосрочную идеализированную модель. Практика такого рода, подтвержденная теоретическими работами, свидетельствует о следующем: каждый конкретный шаг по реализации модели (неизбежно имеющей идеальный характер) отдаленного состояния системы сопровождается принесением в жертву ближайших интересов или, мягче, нанесением ущерба первоочередным актуальным программам. Примеров этому множество, начиная от гигантских жертв, принесенных тоталитарными режимами во имя “светлого” будущего, и заканчивая одним из планов реконструкции г. Киева, нереализованным в силу абсолютно непредвиденных обстоятельств, но разрушившим множество исторических памятников и задержавшим на годы решение инфраструктурных программ.

Еще примерами разрушительного действия моделей долгосрочной реализации явились идея строительства БАМа и поддержанная многими учеными концепция ограничения роста крупных и стимулирования развития малых городов. Ни то, ни другое не осуществилось, но гигантские (и не прослеженные) средства были распылены вместо того, чтобы быть направленными на решения актуальных градостроительных задач развития инфраструктуры городов. Это крайние примеры крупных ущербов. Но и на более мелких уровнях моделирования отдаленных ситуаций, например, даже на уровне детальных планов территорий с практическим сроком реализации до 15 лет, имеют место аналогичные явления, делающие зачастую бесполезными разработку ДПТ. Во-первых, в силу их практической нереализуемости из-за финансовой необеспеченности и, во-вторых, в результате возмущающего действия непредсказу-

емых локальных ситуативных проблем (внутренних или внешних), преодоление которых не предусматривается трендом ДПТ и требует значительных затрат.

Безусловный нонсенс – пытаться разрабатывать комплекс ближайших мер на основе знаний, приобретенных и используемых в пределах наших реальных возможностей, для построения некоторой прогностической модели, субъективной по своей сути, поскольку каждый из участников процедуры моделирования видит по-своему конфигурацию желательного будущего. А любая попытка получить компромиссное решение на базе разнокачественных прогнозов будет еще более субъективной, и, следовательно, гипотеза, выстроенная на такой основе, будет не просто ошибочной, но и, вероятнее всего, вредной.

Время – это некое пространство или поле, бесконечное во всех измерениях и, следовательно, неподвижное в самом себе, как безбрежный океан, в котором движемся мы. Но в отличие от океана, где есть конечные и известные нам порты прибытия, или от физического пространства, где есть астрономические ориентиры нашего движения в нем, наше движение в океане времени не имеет четких зафиксированных и несубъективных ориентиров для определения состояния пребывающей в нем градостроительной системы. Тем более что в этом же времени-пространстве движутся иные системы (политические, экономические, социопсихологические и т. п. – со своими целями движения), существенно влияющие на градостроительные системы, и действуют непредвидимые возмущения глобального характера. В итоге мы можем определить лишь ориентиры самого ближайшего будущего и только в ограниченных масштабах.

Предугадать на 50 лет вперед в условиях формирования многомерной урбанистической среды и, конкретно, в условиях динамичной информационной урбанизации, какова будет форма градостроительного освоения пространства в общем понимании этого термина и, в частности, территории, – весьма затруднительно. Будет ли это сверхконцентрация, максимальное стягивание населения в супергорода (мегалополисы), что может дать определенный природоохранный эффект, или, напротив, расползание “по лону земли” городского образа жизни, или сочетание этих двух типов по модели Родомана при жесточайшем ограничении величины крупного городского образования? В любом случае умозрительное моделирование конкретного города на отдаленную перспективу, учитывая “текучесть современности” (и даже быстротекучесть), если использовать выражение Зигмунда Баумана, было бы несерьезно и даже опасно.

В итоге позволительно сделать вывод о том, что, мало зная, каков будет динамически меняющийся мир во всех своих проявлениях в более или менее отдаленном будущем (40–50 лет), мы должны сосредоточиться на выработке методов точной оценки конкретно-зримой проблемной ситуации в целом, а также отдельных ситуативных факторов, потребностей и возможностей и, соответственно, на выработке методов принятия решений, адекватных очевидным вызовам времени. (Это значительно сложнее и ответственнее, чем построение моделей.)

Это означает только одно – разумные движения по принципу “step by step”.

Целесообразна разработка планов-проектов лишь на более или менее близкую перспективу, скажем, 10–15 лет. Такую разработку можно будет корректировать в процессе реализации, улавливая принципиальные (да и ситуативные) сдвиги в развитии и изменении экономики, социальных отношений и стандартов, техники и технологий, да и всего множества факторов, интегрируемых в градостроительстве. Речь идёт, если говорить о больших, крупных и малых городах, о преодолении накопившихся в них за предшествующие годы проблем, а затем – шаг за шагом – формировании городской среды, адекватной вызовам каждого временного этапа. При этом надо понимать, что изменения будут происходить в темпе, существенно отличающемся от того, который был коррелятом всех наших планов еще десяток лет назад. При этом ключевым фактором в градостроительном проектировании и прогнозировании является ресурсопотребление, масштабы, формы и виды которого практически непредсказуемы на далекую перспективу, о чем говорилось выше.

Изложенное приводит нас к выводу, что использование традиционных мер времени в прогнозировании сейчас утратило смысл. Связка “время-событие” не просто уплотнилась, более того, событие может опередить наши предвидения или прогнозы о наступлении тех или иных событий. Тогда разработка среднесрочных планов (проектов) в контексте разрабатываемых нами прогнозов и моделей развития городских систем на 40–50-летнюю перспективу не только лишена практического смысла, но и, более того, сами прогнозы и выполненные применительно к ним проекты явятся ущербными в силу наших предельно ограниченных возможностей прогнозирования и предвидения динамичности научно-технического и социального развития общества.

Говоря о формировании единого урбанистического пространства, мы не предполагаем, что это будет означать рост энтропии. Мы не должны себе представлять урбанистическое пространство как некую “размазанность” образов и форм жизни по поверхности Земли. Нет, это будет

мир, в котором сохраняются все разумные этнические, религиозные, политические и иные различия. Существуют и будут существовать ключевые, фокусные места, где эти принципы, образы жизни, концепции дальнейшего развития концентрируются и определяют дальнейшее развитие всего урбанистического пространства.

Таким ключевым местом должен стать и Киев. Сегодня в мире есть ряд теорий, которые рассматривают возникновение таких мировых городов и их роль в дальнейшем развитии цивилизаций на Земле. Какова будет их градостроительная форма в перспективе – это другой вопрос. Многочисленные научные организации исследуют такие глобальные мировые города, являющиеся ключевыми в урбанистическом пространстве Земли, генерирующие образ жизни, философию и ментальность.

Когда Питером Тейлором, руководителем одной из зарубежных организаций, исследующих проблему глобальных городов, был составлен список фактических и потенциальных мировых городов, определяющих цивилизационное развитие Земли, Киев был в их числе [7]. Киев этого заслуживает, во всяком случае, история Киева как восточноевропейского центра, история Киева с точки зрения внедрения культурных позиций в европейское пространство средневековья дают ему право на это. Исключительна роль Киева и в формировании духовности православия.

Здесь я перейду к генеральному плану Киева, к разработке которого был некоторое время причастен, перейду, не опасаясь, что мои слова будут рассмотрены как критика. Новый Закон “О регулировании градостроительной деятельности” гласит, что генеральный план города не имеет выраженного срока реализации. Тот Генеральный план Киева, который был разработан ранее (утверждённый в 2002 г.), четко назывался – “Генеральный план развития Киева до 2020 года”. Новый, только что разработанный “Генеральный план развития Киева” рассчитан в параметрах на 2025 год. Складывается противоречие: Закон говорит, что генеральный план не имеет срока реализации, но разработан Генеральный план Киева со сроком реализации (пусть и скрыто) – до 2025 года. Я не хочу подвергать критике ни сроки, ни названия. Но сегодня я рассматриваю Генеральный план Киева, сопряженный со Стратегией, только как важнейший документ преодоления того положения, в котором находится город сейчас, для того, чтобы в 2025 году выйти на уровень, позволяющий разработать генеральный план в контексте нового Закона. То есть как Генеральный план Киева, который будет предусматривать тренд его развития как мирового города и уже в новых концепциях и гипотезах возможного развития.

Тут я делаю оговорку, которая может расцениваться как некоторая уступка по отношению к тому, что сказано выше. Мы сможем предпринять попытку построить модель Киева на 50 лет вперед, но лишь тогда, когда он пройдет в своем развитии путь решения всех своих проблем и, наконец, встанет на платформу т.н. “устойчивого” развития. Не думаю, что это случится через 15 или даже 25 лет.

Исходя из принципа “step by step” развитие крупного города, а тем более Киева, должно определяться на основе последовательной разработки ряда среднесрочных планов-программ. В методологическом отношении здесь уместно вспомнить принцип цепей Маркова, согласно которому каждое последующее состояние определено предшествующим. В нашем случае это означает, что такая последовательность может быть представлена в виде трендов: восходящих – для положительных тенденций развития, нисходящих – для отрицательных и нейтральных – для параметров, значения которых могут оставаться неизменными в пределах программируемого срока. Определителями конфигурации трендов должны выступить реальные оценки ресурсов (инвестиционных, территориальных, политических и т.п.), которые могут быть мобилизованы для обеспечения трендов с учетом всей совокупности ограничений и пороговых факторов развития на обозримый период.

И последнее. Насколько приведенные размышления о характере современных процессов формирования урбанистического пространства и их влияния на теоретические аспекты и практические проблемы градостроительного проектирования актуальны для нас, для украинской действительности?

К сожалению, приходится констатировать следующее.

В то время как в Западной Европе, США, других высокоразвитых странах усиливается интерес к теоретическим проблемам урбанистики и градостроительства, которые потом органически перетекают в сферу практической деятельности, ничего подобного в Украине не происходит. Имеют место высказывания отдельных ученых о необходимости моделирования и прогнозирования городского развития, но они вытекают из представлений 30–45-летней давности. Анализ причин этого выходит за рамки данной статьи. Достаточно лишь сказать, что затянувшийся период перехода Украины от одной цивилизационной фазы к другой, во-первых, не даёт оснований для развития градостроительной теории в контексте мировых тенденций (равно как и других наук, а тем более фундаментальных). Во-вторых, сейчас и не требуется ничего иного, кроме министерских нормативных регламентаций по проектированию, составляемых в интересах отдельных финансовых групп или крупных инвесторов.

Список литературы

1. *Нефёдов С.А.* Концепция демографических циклов. – Екатеринбург: Изд. УГТУ, 2007.
2. *Gibbs J.P.* The Evolution of Population Concentration // “Economic Geography”, 1963.
3. *Андре Горц.* Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. – М., 2010.
4. *Хаген Байнхауэр.* Мир в 2000 году. Свод международных прогнозов. – М., 1973.
5. *Никитин В.* О периоде независимости архитектурной профессии и будущем городов // Журнал АСС. – К.: АСС-Медиа, 2011.
6. *Зигмунд Бауман.* Текучая современность // Питер. – 2008. – С. 147.
7. *Фильваров Г., Плешкановская А.* Глобальные города – новая ступень урбанизации мира // Сб. “Досвід та перспективи розвитку міст України”. – Вып. 17. – Діпромісто, 2009.